

Фурман Д. Е.

Рациональное и иррациональное в российской политике в СНГ.

Как мне кажется, есть общая тенденция очень рационализировать политику государств. Мы все время ищем какие-то «интересы России» (кто их определил и кто знает, в чём они заключаются?), «стратегии» России, концепции и т.д. Но концепции и стратегии играют во внешнеполитическом поведении стран роль небольшую, чем они играют в повседневном поведении индивидов, их взаимоотношениях с окружающими. Рациональное и иррациональное во внешней политике государств соотносятся также, как они вообще соотносятся в человеческом поведении. Наше поведение в отношении, например, Белоруссии или Грузии, по-моему, даже смешно анализировать при помощи понятий типа; «стратегия» и «национальные интересы». Куда адекватнее здесь значительно более простые слова, вроде: «Путину стало жалко тратить российские деньги на Белоруссию» или «Российская власть раздражена на Грузию и решила сделать ей пакость» и т.д. Хотя, разумеется, для объяснения причин этого внезапно возникшего сожаления о потраченных на Белоруссию деньгах или этого раздражения на Грузию может быть нужен научный аппарат психолога и психоаналитика.

Моделью отношений в постсоветском пространстве могут быть отношения в любом небольшом человеческом коллективе, например, знакомые большинству из нас по воспоминаниям детства отношения соседей по коммунальной квартире. В таких коллективах есть сотрудничество, но есть и борьба за власть и влияние, зависть, «статусное беспокойство», желание самому меньше внести в «общий котёл» и больше из этого «котла» взять, и тревоги, что кто-то вносит меньше, чем ты, а берёт больше и ещё посмеивается за твоей спиной. У меня лично, когда я слышу об очередных скандалах между Россией и другими странами СНГ из-за газа, сразу же возникает образ коммуналки, в которой «Марья Ивановна пользуется плитой больше всех, а платит как все».

Взаимоотношения и мотивы действующих лиц в таких общежитиях могут быть очень сложны. Я думаю, что они ничуть не проще взаимоотношений между государствами и мотивов государств. Но слова: «интересы Марьи Ивановны» или «стратегия Марьи Ивановны» — смешны. И смешны не потому, что «высокие» слова здесь применяются к «низкому», «сложные» к «простому». Наоборот, они не применимы потому, что комплекс мотивов Марьи Ивановны слишком сложен, чтобы его можно было уложить в эти понятия. Она не может последовательно проводить «стратегию», ибо она — нормальный человек, и как все люди, одновременно хочет разных и взаимоисключающих друг друга вещей и часто сама толком не знает, чего она хочет. Она устраивает скандал из-за коммунальных платежей, а завтра будет жалеть об этом скандале. И также сложен и противоречив комплекс мотивов государства.

Как есть разные — более и менее конфликтные коллективы индивидов, так есть более и менее конфликтные сообщества государств. Например, ЕС — очень упорядоченное сообщество. Там тоже есть и зависть, и обиды, и соперничество, но всё это сдерживается жёсткими правовыми нормами, интернализированными участниками. Входящие в него страны — обеспеченные, «приличные» и «интеллигентные» рациональные индивиды. Отношения в них ближе к отношениям соседей в каком-нибудь богатом «субурбе». СНГ, напротив, — конфликтное общежитие, действительно, напоминающее советскую коммуналку.

Основные конфликты в СНГ происходят между Россией и её соседями. И это — совершенно естественно. Во-первых, Россия — больше всех других республик и соприкасается со всеми ними. (Конфликт Молдавии и Туркмении сложен «технически»). Во-вторых, конфликтогенность отношений России с соседями объясняется самим генезисом нашего «общезития». Ещё недавно она была официально «старшей сестрой» остальных республик. В 1991 г. распался СССР, и все стали юридически равны. Почему СССР распался, было ли это естественно и неизбежно или нет, для российского общества до сих пор не понятно. Однако ясно, что в распаде СССР играли роль не только стремления других республик к самостоятельности и равенству со «старшей сестрой», но и сложные мотивы самой «старшей сестры», России, которая не только не слишком сопротивлялась распаду СССР, но даже способствовала ему. Российская мотивация при этом была самая противоречивая. Здесь были и «идеалистические» моменты — отказ от империи, и самые примитивные эгоизм и жадность (назывались фантастические суммы денег, которые перетекают из России в другие республики и которые при распаде СССР останутся у нас и обеспечат нам богатую жизнь), и убеждение, что «всё равно они от нас никуда не денутся» и Россия «была, есть и будет великой державой».

Ясно, что при таком генезисе СНГ отношения между Россией и другими входящими в него республиками не могут не быть очень сложными. Сожалеть о распавшемся государстве, в котором ты был «главным» естественно. Такие сожаления были и у тех «главных» народов империй, которые совершенно сознательно от своих империй отказались. Но у нас элемент сознательности в отказе от СССР был не так велик, и, к нашему сожалению, об СССР, в котором мы играли главную роль, присоединяется неясность, почему всё-таки СССР распался, и сожаление о своей роли в этом распаде, которая нами так и не осмыслена. (Путину принадлежат замечательные высказывания, демонстрирующие эту неясность и амбивалентность нашего отношения к СССР. Он сказал, что это была «крупнейшая геополитическая катастрофа», и что «СССР оказался нежизнеспособен».) Мы привыкли к тому, что мы — главные, мы убеждены, что нас должны любить и благодарить. Мы ревнивы. Мы даже готовы платить за любовь, уважение и признание нас «главными». Но при этом мы подозрительны — мы сомневаемся в том, что нас уважают и любят искренне, нам кажется, что соседи нас эксплуатируют, а за нашей спиной смеются над нами и сами только и думают, как бы убежать на Запад. И нам жалко денег.

Отношения России с соседями и партнёрами по СНГ — это отношения в невротическом замкнутом круге. Мы хотим взаимоисключающих вещей. Мы добиваемся любви и уважения, но добиваемся такими методами, что результаты получаются прямо противоположными.

Сейчас на первый план в нашей мотивации вышло нежелание платить за других. И роль этого мотива очень похожа на его роль в распаде СССР. Подсчёты Путина, сколько мы теряем на Белоруссии, очень похожи на подсчёты ельцинской эпохи того, сколько мы теряем на СССР. И историческая функция этих подсчётов — очень схожая.

За империи, за сферы влияния и за всякие содружества, в которых ты играешь главную роль, имперский народ (или «старший брат») должен платить. В Российской империи русские платили тем, что были значительно беднее и бесправнее, чем народы «окраин империи» (но зато империя была — Российская). А сколько заплатила Россия за СССР, за свою роль «старшей сестры»! Подсчёты ельцинской эпохи были фантастическими, но то, что Россия в разных формах — от построения заводов в Средней Азии до передачи Крыма Украине — платила за СССР — очевидно. СНГ — это третья историческая форма

организации нашего имперского пространства. Каждая следующая форма — более «рыхлая» и менее долговечная, чем предыдущая. Но всё рано это — наша «сфера влияния» и всё равно мы за неё платим. А если ты не желаешь платить, ты её утрачиваешь.

То, что мы не желаем больше платить, дотировать чужие экономики - «законное» и естественное желание. Плохо не оно, а то, что мы, как и при распаде СССР, хотим всего сразу.

Наше нежелание платить за газ, которым пользуются соседи, не подразумевает, что мы хотим оставить их в покое — платите по рыночной стоимости и живите себе как угодно. Нет, мы всё равно хотим, чтобы они ни в коем случае не уходили в НАТО или в ЕС, сохраняли у себя памятники советским воинам, говорили по-русски, а не по-украински и т.д. Но это- вещи, исключаящие друг друга.

Если человек стремится к какой-то одной цели, он может достичь многого. Но если у него, как это чаще всего бывает, противоречивые цели, он ничего не достигнет и всегда будет недоволен судьбой, собой и другими. Мы сейчас стремимся одновременно и не упускать выгоду в отношениях с соседями, и чтобы эти соседи были нашими верными союзниками. Как говорят англичане, «и иметь пирог, и съесть его». Но это невозможно, и очень может быть, что, в конце концов, и выгоды окажутся кратковременными и не такими большими, и кольцо союзников вокруг нас станет кольцом врагов.

Путин сейчас довершает то, что начал Ельцин. Ельцин «распустил» СССР. Путин ликвидирует СНГ, разрушает российскую зону влияния. Но при этом Ельцин сам не понимал до конца, зачем он это делает, и надеялся, что можно будет как-то и разрушить СССР и сохранить значение России. И Путин не разрушает нашу «сферу влияния», сознательно решив перейти к каким-то новым формам отношений. Он тоже думает, что можно «и иметь пирог, и съесть его».

Вскоре Россия останется совсем одна. Причём окружена она будет странами, у которых много обид на неё и претензий к ней, и странами, которые во много раз будут сильнее её — ЕС, Китаем, Индией. У неё нет своей естественной группы стран, которые в трудную минуту придут к ней на помощь по долгу или по естественной симпатии к «родственной» стране.

Вообще это не так уж страшно. В современном мире правовые нормы всё-таки действуют, и никто не будет набрасываться на одинокую и относительно слабую страну. Есть маленькие страны с «кошмарным» геополитическим положением, вроде зажатой между двумя гигантами Монголии. И ничего, живут.

Но обиды наших соседей, которые мы успешно умножаем, конечно, будут осложнять наше положение. «А ты помнишь, как ты в трудную для меня минуту внезапно поднял цены на газ?», «А ты помнишь, как я тебя умолял не помогать Приднестровью?», «А ты помнишь, как запретил продажу на своей территории моего вина?». А мы будем говорить, что всё это было очень давно, при Ельцине и Путине, а сейчас мы совсем другие, и просить, чтобы нас приняли в сообщество «приличных» стран, в котором мы будем подчиняться общим правилам и вести себя, как положено.